

Литература

1. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. — М.: ЭКС-МО. — 2006. — 672 с.
2. Концепция развития системы здравоохранения в Российской Федерации до 2020 г. // Электронный ресурс. — Режим доступа: <http://topmedicina.ru/health/konceptsiya>.
3. Парахонский А.П. Медицинское образование сегодня и пути его совершенствования // Успехи современного естествознания. — 2008. — № 9. — С. 60-61.
4. Скворцова В.И. Модернизация системы медицинского образования и кадрового обеспечения / В.И. Скворцова // Электронный ресурс. — Режим доступа: <http://www.zdrav.ru/articles/interview/detail.php?ID=7252>

Сведения об авторах

Артюхов Иван Павлович — г.м.н., проф., ректор Красноярского государственного медицинского университета им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого; e-mail: rector@krasgmu.ru.

Зуков Руслан Александрович — к.м.н., доцент, декан лечебного факультета Красноярского государственного медицинского университета им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого; e-mail: zukov_gus@mail.ru.

Виник Юрий Семенович — г.м.н., проф., зав. каф. общей хирургии Краснояр-

ского государственного медицинского университета им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого; e-mail: yuvinnik@yandex.ru.

Здзитовецкий Дмитрий Эдуардович — к.м.н., доцент, зав. кафедрой и клиникой хирургических болезней им. проф. Ю.М. Лубенского Красноярского государственного медицинского университета им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого; e-mail: zdz64@mail.ru.

Черданцев Дмитрий Владимирович — г.м.н., проф., зав. кафедрой и клиникой хирургических болезней им. проф. А.М. Дыхно с курсом эндоскопии и эндохирургии ПО Красноярского государственного медицинского университета им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого; e-mail: gs7@mail.ru.

Данилина Елена Петровна — к.м.н., доцент кафедры и клиники хирургических болезней им. проф. Ю.М. Лубенского Красноярского государственного медицинского университета им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого; e-mail: danjuly@rambler.ru.

Белобородов Алексей Александрович — к.м.н., доцент кафедры и клиники хирургических болезней им. проф. Ю.М. Лубенского Красноярского государственного медицинского университета им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого; e-mail: beloborodov-a5@mail.ru.

Борисов Роман Николаевич — к.м.н., ассистент кафедры и клиники хирургических болезней им. проф. Ю.М. Лубенского Красноярского государственного медицинского университета им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого; e-mail: borisov@flitnet.ru.

Кембель Вера Родионовна — к.м.н., доцент кафедры и клиники хирургических болезней им. проф. Ю.М. Лубенского Красноярского государственного медицинского университета им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого; e-mail: kembel@mail.ru.

Приходько Елена Анатольевна — к.м.н., доцент, зам. декана лечебного факультета Красноярского государственного медицинского университета им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого; e-mail: aliona.prih@inbox.ru.

Страницы истории

© БРУСИЛОВСКИЙ Е. С.

УДК 614.23:616.1/4

ИЗ БЕСЕД С НИКОЛАЕМ ДМИТРИЕВИЧЕМ СТРАЖЕСКО

Е. С. Брусиловский
Германия, Бремен

Резюме. Минуло более 60 лет. А я продолжаю слышать среднего тембра баритон с небольшой хрипотцой и изысканную русскую речь. В своих «Воспоминаниях» я постарался раскрыть образ не только великого ученого, клинициста, но и очень скромного интеллигентного, незаурядного человека. К сожалению, академик Н. Д. Стражеско в советское время часто находился в опале. Его юбилей трудовой и научной деятельности на государственном уровне не были отмечены. Однако великие научные труды и огромное количество учеников увековечили имя гения.

Ключевые слова: воспоминания об учителе, великом терапевте, памятные даты, научные достижения, вклад в мировую медицину.

Академик АН СССР, АМН СССР, АН УССР Николай Дмитриевич Стражеско.

Среди выдающихся учёных встречаются такие, масштаб личности которых далеко выходит за пределы человеческих возможностей.

К ним относится великий врач «Светя другим — сгораю», самый крупный интернист XX века Николай Дмитриевич Стражеско.

Официальные сведения: академик АН СССР (единственный терапевт),

АМН СССР, АН УССР, председатель Всесоюзного общества терапевтов профессор Н. Д. Стражеско автор более 300 научных публикаций (О моём знакомстве с академиком Стражеско опубликовано в книге воспоминаний «Ночи бессонные...». Бремен, 2002)

Наиболее концептуальные из них:

— Прижизненная диагностика тромбоза коронарных сосудов — инфаркта миокарда (совместно со своим клиническим учителем В. П. Образцовым на два года раньше американского врача Дж. Б. Херрика), выделив при этом основные клинические синдромы: status anginosus, st. asthmaticus и st. abdominalis.

— Клинико-физиологическая классификация недостаточности кровообращения (совместно со своим учеником, впоследствии академиком АМН СССР В. Х. Василенко).

– Клиническая физиология кишечника (исследования выполнены в Институте акад. И. П. Павлова) в развитии идеи Пауля Эрлиха о гематопаренхиматозном барьере.

Всасываемые в кишечнике элементы расщеплённых пищевых продуктов, проходя печёночный барьер, трансформируются из чужеродных в свои родные, причём, не только углеводы, как установил Клод Бернар. «Проскочившие» через барьер чужеродные вещества – источник пищевой аллергии.

– Клиническая дифференциальная диагностика сердечных аритмий: желудочковых экстрасистол от предсердных, описание «пушечного тона Стражеско» при предсердно-желудочковой блокаде. Отличие синусовой от экстрасистолической пароксизмальной (внезапной) аритмии.

– Патогенез (механизм) отёков: гипостатических, циркуляторных, почечно-выделительных, дистрофических (голодных).

– Циркуляторная дистрофия. Данная концепция основана на получении доказательств о том, что уже, начиная со стадии II Б недостаточности кровообращения, к циркуляторным, присоединяются и дистрофические отёки, как другие проявления алиментарной дистрофии.

– Проблема сепсиса: при ревматизме, при острой лейкемии (совместно с Д. Н. Яновским), при ранениях, ожогах, отморожениях, вирусных и других инфекциях.

Возвратившись в Киев после эвакуации в Уфу и пребывания в течение года в Москве, Николай Дмитриевич возглавил, организованный им ещё в 1936 году УИКМ (Украинский институт клинической медицины), сохранив за собой заведывание кафедрой факультетской терапии и директорство факультативной терапевтической клиники при Киевском медицинском институте.

Обходы директора и обсуждение результатов исследований – непременно два раза в неделю. Другие два раза в неделю профессор проводил в своей традиционной терапевтической клинике (её последовательно возглавляли такие корифеи

медицины, как Меринг, Образцов и Феофил Яновский). На неповторимые обходы и уникальные клинические разборы Николая Дмитриевича часто приходили его ученики, работавшие в других учреждениях.

Однажды профессор, извинившись, прервал обход, и, пошатываясь, ушёл в свой кабинет. Я попытался сопроводить его, тяжело дышащего.

Входя в кабинет, Николай Дмитриевич попросил пригласить к нему присутствовавших на обходе.

Я не слышал, что говорил им шеф, так как ушёл за фотоаппаратом, но возвратившись со своим чудом уцелевшим довоенным «Фотокором» понял, что это было прощание.

У меня сохранилась эта плохого качества фотография, на которой, к сожалению, отсутствую, так как занимался съёмкой.

Больше я Николая Дмитриевича ни в институте, ни в клинике никогда не видел, а только – семь раз с вечера до утра, когда дежурил у него дома, полулежащего в постели или в кислородной палатке.

Прошло более полувека. Что же сохранилось в моей памяти от этих вечерних, порой ночных «бесед»?

Мне всегда было неловко слышать благодарность из уст этого тяжелобольного человека, то ли за внутривенное введение строфантина (ведь именно он первый изучил клиническую эффективность этого препарата, рекомендовал его к применению), то ли за услуги по уходу.

Николай Дмитриевич как-то спросил, как я справляюсь со службой в качестве преподавателя внутренних болезней в военно-медицинском училище и одновременно в иммунологической лаборатории института?

Я точно не помню, сколько прошло дней, когда Николай Дмитриевич, вспомнив о своём вопросе, предложил обратиться от его имени к начальнику училища (полковник Гаврось, бывший латышский стрелок) перевести мою группу курсантов в госпиталь, в котором расположился УИКМ.

Я уловил в его умных, немного прищуренных глазах, блеск. Стражеско сказал, что это перспективнее, поскольку это база Института усовершенствования врачей, а до войны кафедрой терапии в этом институте руководил профессор Владимир Харитонович Василенко, который после демобилизации (он был главным терапевтом фронта) вернётся в Киев и вновь возглавит кафедру.

Но профессора Василенко не отпустили из Москвы, где он вскоре возглавил кафедру терапии в 1-м медицинском институте и одновременно стал главным терапевтом IV-го управления Министерства здравоохранения СССР. В 1952 году Владимир Харитонович был арестован, как главный обвиняемый по «Делу врачей». Он был одним из немногих, кто не признал инкриминируемых ему обвинений. Впоследствии я узнал от моих коллег, также дежуривших у академика Стражеско, что он остро переживал эти события, но его помощь оказалась не только не востребовавшей, но и заблокированной.

Кафедру терапии в Киевском институте усовершенствования врачей возглавил профессор Александр Семёнович Берлянд. Его здесь хорошо знали, поскольку до войны он возглавлял кафедру терапии на этой же базе 2-го Киевского мединститута. Знали также, что он, рижанин, владевший по наследству аптекой в центре города. Будучи высококвалифицированным фармацевтом, мечта о врачебной карьере, поступил в Киевский университет Святого Владимира.

Я обычно старался спрашивать у Николая Дмитриевича только то, что касалось моей функции по уходу. По-видимому, Николай Дмитриевич догадывался, что мне хотелось бы услышать от него о моём новом шефе — профессоре Берлянде.

По просьбе Николая Дмитриевича я рассказывал о журнально-газетных публикациях. Порой он просил прочесть определённую заметку, статью, не всегда дослушивая до конца. Его интересовали, прежде всего, оглавления медицинских журналов. Заинтересовала статья о новых методах функциональной диагностики сердца. Он вспомнил, что этой теме посвящена довоенная докторская диссертация тогда еще доцента Берлянда, на которую он дал положительный отзыв.

Николай Дмитриевич стал говорить о чём-то не относящемся к предыдущему, поскольку вспомнил о своём предшественнике по кафедре факультетской терапии великом враче-гуманисте, кумире пациентов Феофиле Гавриловиче Яновском, создателю одной из лучших терапевтических школ. Выделялись там три одарённых ассистента, три друга: Василенко, Берлянд и Шкляр. По-разному сложилась судьба и карьера этих трёх незаурядных врачей после смерти Феофила Гавриловича.

Владимир Харитонович Василенко остался на кафедре уже под руководством профессора Стражеско в должности доцента. Александр Семёнович Берлянд в должности доцента перешёл на кафедру пропедевтики, возглавляе-

мую выходцем из школы Василия Пармёновича Образцова (учитель Стражеско), крупным терапевтом Максом Моисеевичем Губергрицем (Впоследствии академик АН УССР, создатель научной школы терапевтов. Его перу принадлежит лучший учебник по пропедевтике внутренних болезней) Борис Соломонович Шкляр оказался одним из организаторов Винницкого мединститута и бессменным руководителем кафедры факультетской терапии.

Николай Дмитриевич интересовался контингентом больных в обычной больнице, на базе которой я работал, поскольку, по его мнению, структура их отличалась от таковой в институтской клинике. Это запомнилось Стражеско с тех еще времен, когда он работал на базе самой крупной в Киеве Александровской больнице. Я рассказывал ему о структуре больных, отмечая, что болезни зачастую протекают на фоне алиментарной дистрофии и при этом симптоматика основных болезней «смазана», как бы «замурована». Я рассказал о бессимптомно протекавшем у дистрофика остром аппендиците, который не был распознан при жизни. Рассказал я также о смертельных случаях острой жёлтой атрофии печени и тифоидных формах туберкулёза, описанных в литературе, как «тифобациллёз Ландузи».

Спустя короткое время, Николай Дмитриевич возвратился к этим заболеваниям, отметив, что считал бы полезным обобщить клинические проявления, если бы удалось «собрать» какое-то количество «случаев». Когда он говорил о тифоидных формах туберкулёза из его полуприкрытых глаз по щекам потекли слёзы. Мне было известно о смерти младшей дочери академика от туберкулёза, не диагностированного при жизни, а вскоре и его жены, не пережившей горя.

Я рассказал об этом совете Стражеско Александру Семёновичу Берлянду, который немедленно отреагировал, предложив мне подумать и обсудить диссертательность данной части работы с профессором Далем, в патолого-анатомическом плане.

За пару месяцев до окончания мной клинической ординатуры, дал шефу для прочтения рукопись диссертации. Отметив недостатки, профессор был удовлетворён тем, что работа чисто клиническая. Он напомнил, что академик Стражеско считал обязательным для клинициста — клинический акцент в диссертациях на любую тему.

Впоследствии, когда вышла моя первая монография по теме кандидатской диссертации «Острая и подострая дистрофия печени», я посвятил её тогда уже покойному профессору Берлянду. Николай Дмитриевич также, ещё в июне 1952 года, ушёл из жизни.

Я же всегда помнил высказывания Стражеско о значении изучения роли печени (гематопаренхиматозного барьера) в патологии, о его поручении доктору Евтуховой разработать функциональную диагностику заболеваний печени.

Однажды я в смущении поделился с Николаем Дмитриевичем своей правильной диагностикой. В моё дежурство

в больнице скорая помощь привезла пожилого человека с диагнозом — некупирующаяся стенокардия. Мой чисто клинический диагноз: инфаркт миокарда. Спасти больного было невозможно. Диагноз подтвердился на вскрытии. В то время единственный в Киеве электрокардиограф был только в УИКМ.

Николай Дмитриевич улыбнулся и заметил, что не все смогут понять врачебные успехи от удачно поставленного диагноза больному, который вскоре скончается.

Стражеско более чем полувека назад, будучи 23-летним интерном, при жизни диагностировал тромбоз венечной артерии. Чуть позже он стоял у секционного стола и наблюдал, как прозектор в морге извлекал сгусток крови из сосуда. Он просил молодого врача, ошарашенного от увиденного, обратить внимание на крупный участок сердечной мышцы другого, более серого цвета, говоря при сём, что это некроз (омертвление). Молодой же интерн произнёс другое слово: — «Инфаркт».

Шефу, Василию Пармёновичу Образцову, импонировал данный термин (впервые в мире произнесенный) и он предложил накопить определённое количество наблюдений с целью обобщения симптоматики.

Николай Дмитриевич молча, смотрел на меня, как бы изучая мою реакцию на услышанное и непонимание, почему потребовалось десять лет для публикации статьи о прижизненной диагностике в наше время столь нередкого заболевания.

Академик прикрыл глаза. Мне показалось, что он задремал, но я услышал его тихий ровный голос. Он говорил, что всегда восхищался даром предвидения у своего учителя. Образцов понимал, что наступивший научно-технический прогресс обогатит клиническую медицину. Клиника наводнится новыми приборами, физическими, химическими методиками. Поэтому следует готовиться к заграничной командировке для ознакомления, а, возможно, и освоения новой техники. Это необходимо не столько для пополнения клиники, а больше для того, чтобы под контролем этих новшеств выявлять новые клинические проявления патологии, новые симптомы. При этом памятуя, что техника не способна заменить клиническую медицину, наблюдение и клиническую логику.

Николай Дмитриевич побывал в Париже, в клинике крупнейшего терапевта того времени, профессора Патена, изучал испытываемый здесь прибор Эйнтховена, регистрирующий токи деятельности сердца, электрокардиограф.

В Берлине и Мюнхене — практиковался в клиниках профессоров Лейдена и Сенатора, где изучил бактериологические исследования Роберта Коха, методы Пауля Эрлиха по применению анилиновых красителей для окраски крови и тканей, а также биохимические методики в лаборатории Варбурга.

Николай Дмитриевич отмечал, что высоко оценивал достижения европейской медицины, но его огорчали увиденные им ещё тогда тенденции «отхода от постели больного». Предпочитал он французскую терапевтическую школу.

Поскольку его приоритетом являлась физиология, он стремился поскорее оказаться в Санкт-Петербурге, в Военно-медицинской академии — в клинике, умершего 15 лет тому назад, великого Сергея Петровича Боткина и в физиологической лаборатории Ивана Петровича Павлова.

В клинике Боткина, Николай Дмитриевич профессора Вячеслава Авксентьевича Манассеина (любимого ученика Боткина), приехавшего в гости к Образцову, не застал. Он умер пару лет назад. Сыновья Сергея Петровича Боткина, профессора Сергей Сергеевич и Евгений Сергеевич (он через много лет, будучи врачом царской семьи, откажется покинуть Романовых и будет вместе с ними расстрелян) радушно встретили гостя и устроили встречу с Иваном Петровичем Павловым в Институте экспериментальной медицины. Уже было известно, что профессор Павлов удостоен Нобелевской премии и готовится к отъезду в Стокгольм для её получения.

Великий физиолог очаровал Николая Дмитриевича простотой общения и одновременно деликатностью, стараясь не навязывать и даже не предлагать тему для исследования. Он лишь говорил о недостатках своей работы, поскольку для изучения физиологии кишечника «руки не дошли».

После обстоятельного знакомства с условиями работы в лабораториях Института, Николай Дмитриевич попросил профессора Павлова предоставить ему возможность для исследований физиологии кишечника. Когда работа была близка к завершению, и Иван Петрович ознакомился с ней, то предложил доктору Стражеско остаться работать в ИЭМе. Поблагодарив академика за помощь и такое лестное предложение, Николай Дмитриевич сказал, что он клиницист и мечтает работать в области клинической физиологии под руководством своего учителя профессора Образцова. Иван Петрович посоветовал представить данное исследование на соискание учёной степени доктора медицины. Блестяще защитив диссертацию, 28-летний доктор медицины Николай Стражеско, возвратился в родные пенаты.

Образцов в это время был увлечён совершенствованием метода Гленара по глубокой пальпации живота. Он обладал высокой тактильной чувствительностью пальцев рук, что позволяло ему определять наличие даже незначительных отклонений от нормы при пальпации органов брюшной полости (теперь его бы назвали экстрасенсом).

Николай Дмитриевич охотно согласился с предложением шефа присоединиться к нему, хотя данное «вклинение» мешало продвижению работы по тромбозу коронарных артерий.

В студенческие годы мне удалось ознакомиться с единственной в мировой литературе монографией «Основы физической диагностики заболеваний брюшной полости», изданной ещё в 1924 году. В ней профессор Стражеско детально осветил метод глубокой скользящей пальпации органов брюшной полости по методу Гленара-Образцова-Гаусмана-Стражеско.

Николай Дмитриевич как-то рассказал, что он начал работать над этим классическим руководством для врачей в период жизни в его родном городе Одессе, служа в Новороссийском университете. Несомненно, он любил Одессу, с удовольствием вспоминал своё пребывание в прекрасном интернациональном городе, где он родился и учился в знаменитой Ришельевской гимназии.

Я не запомнил высказываний Николая Дмитриевича о политике, об отношении властей к народу, о его пациентах, стоявших во главе страны. Но об одесском периоде своей жизни и о том, почему он оказался вновь в Одессе в девятнадцатом году, говорилось часто. Вздохнув и даже пожав плечами, как бы вдумываясь, он заметил, что, несмотря на то, что Российская империя не проиграла войны, её новые власти почему-то заключили с Германией мир, по которому последняя получила огромные территории, в том числе Малороссию. Правда, при этом, находящийся в Киеве немецкий гарнизон обеспечил весьма сносную жизнь для жителей и нахлынувших беженцев из Петрограда. Сносность закончилась к концу восемнадцатого года с уходом, проигравших войну, германских войск. Возвратился хаос, неустойчивость и быстрая смена властей.

Его семья двинулась на Юг. Они не чётко осознавали куда едут. Останутся ли в Одессе, или поедут дальше? Его старшие дочери Шура и Наташа связались с какими-то подозрительными людьми, обещавшими устроить их на один из уходящих пароходов.

Говоря о дочерях, Николай Дмитриевич, вздыхая, обрывал эти болезненные воспоминания, быстро переходил на другую тему.

Он рассказывал о своем приятеле, известном далеко за пределами Одессы, терапевте, профессоре Лазаре Борисовиче Бухштабе, приютившем семью Стражеско.

Очень тепло говорил Николай Дмитриевич о хорошем знакомом, одесском художнике Евгении Иосифовиче Буковецком, в доме которого по Княжеской улице, 27 вечерами велись беседы, порой за преферансом. В этом доме жил и Иван Алексеевич Бунин. Он экспансивно всем возмущался, ругал без разбора политиков разного толка.

Возвращаясь к мучавшим Николая Дмитриевича трагическим событиям, которые он пережил тогда, как бы нехотя рассказал, что дочери не пришли ночевать.

Случайно на улице он столкнулся с Буниным и Буковецким, которые в один голос кричали, что его старшие дочери Александра Николаевна и Наталья Николаевна уже на переполненном пароходе, а его, Бунина, туда не пустили.

Побежали в порт... С Николаевского бульвара у Потемкинской лестницы, супруги Стражеско, плача, увидели уплывающее судно.

Я тогда, пожалуй, впервые не удержавшись, спросил, почему же он не сразу вернулся в Киев? Академик промолчал.

Мы беседовали и о прошедшем торжественном праздновании столетия бывшего медицинского факультета университета Святого Владимира — ныне Киевского медицинского института.

Я хорошо помню доклад академика Стражеско, тогда первым из профессоров-медиков Советского Союза, удостоенного высочайшей награды — звания «Героя социалистического труда».

Академик утверждал, что после смерти Сергея Петровича Боткина, ведущей терапевтической школой Российской империи стала школа гениального Василия Пармёновича Образцова, и параллельно с ней оригинальная не только в научном плане, но и в нравственном — школа великого врача-гуманиста Феофила Гавриловича Яновского.

Две ныне существующие школы: Стражеско и Губергрица отпочковались от школы Образцова. Закончил Николай Дмитриевич доклад словами о том, что пальма первенства по терапии принадлежит Киеву.

Периодически он вспоминал и тепло отзывался о своих друзьях, крупных терапевтах Москвы и Петрограда.

И вот теперь, пожалуй, чтобы я не усмотрел в концовке его рассказа элементов самохвальства, он заговорил о профессоре Плетнёве, гениальном, неповторимом, лучшем враче России, враче, пациентом которого являлся он сам. Тяжело переживал его арест и осуждение по сфабрикованному обвинению. Национальное достояние России — профессор Плетнёв оказался в ссылке под Воркутой. Киевский хирург Давид Николаевич Думбадзе, будучи там же в ссылке, встречался с Плетнёвым и поведал о его тяжком положении.

Я сказал Николаю Дмитриевичу, что, будучи студентом в Уфе, от ассистента Лукомского и доцента Тареева слышал беглые упоминания о Плетнёве.

Домами дружил Николай Дмитриевич с московским бариним, профессором Максимом Петровичем Кончаловским, главой московской школы терапевтов, братом художника Петра Петровича Кончаловского. Среди его учеников выделялся доцент Тареев (оба они стали академиками АМН СССР), опубликовавший оригинальную монографию по нефрологии.

Любил Николай Дмитриевич встречаться с ведущим питерским терапевтом, выдающимся кардиологом Георгием Фёдоровичем Лангом.

Он был несправедливо не избран в первый состав АМН, видимо, только потому, что он немец. Похвально отзывался Георгий Фёдорович о своих учениках: Гефтеоре, авторе монографии «Инфаркт миокарда» и Мясникове, опубликовавшего блестящую книгу о болезнях печени.

Киевский окружной военный госпиталь, в эвакуации находился в Томске, в составе которого оказался любимый ученик профессора Стражеско Эдмунд Эдмундович Кристер. Он поведал своему шефу о самобытной школе сибирских терапевтов. Оказывается Николай Дмитриевич встречался с создателем этой школы, профессором Курловым, которого считал одним из лучших терапевтов страны.

Институт гигиены труда привлёк меня для участия в экспедиции в город Днепродзержинск. Предстояло электрокардиологическое изучение состояния сердца у работников горячих мартезовских цехов во время их работы.

Кроме того, поскольку я не был утверждён Минздравом в должности ассистента кафедры терапии, после окончания экспедиции, мне предстояло выехать в Проскуров (теперь – Хмельницкий) для вступления в должность главного терапевта.

Николай Дмитриевич внимательно слушал и одобрил моё вынужденное согласие уехать. По его мнению, такая практическая работа обогатит мой опыт, что окажется весьма полезным для научной и педагогической деятельности в будущем.

Тут же, извинившись, он спросил о моих этнических корнях. Я рассказал, то, что знал и услышал суждения, к которым я мысленно возвращался в течение многих лет.

Оказывается смешение этносов – явление положительное, обеспечивающее прогресс. Среди малых и небольших укоренилась ошибочная идея о том, что моноэтничность – гарантия самосохранения. Следовательно, биологическое и духовное смешение с другими народами недопустимо.

Я оказался в некотором замешательстве, услышав в качестве примера о судьбе сравнительно небольшого еврейского народа, большая часть которого оказалась в диаспоре. Не стоит касаться исторических событий, явившихся причиной этого – здесь много разночтений. Но та незначительная часть народа, оставшаяся на святой земле, принявшая ислам, или сохранившая свои иудейские традиции, для прогресса человечества ничего не дала. Большая же часть народа, выживая в диаспоре, в массе своей духовно, а порой и биологически смешавшись с другими этносами, внесла существенный вклад в цивилизацию, обогатив разные этносы и человечество в целом.

Я знал, что мой великий учитель по своим корням не совсем русский или украинец.

Николай Дмитриевич нахмурился. Я понял, у него возникло намерение что-то объяснить.

Принесли чай. Он сказал, что ввиду того, что мы встречаемся, скорее всего, последний раз, то намерен опровергнуть всякие слухи о себе, порой просто небылицы.

Стражеско по отцу – этнический румын, потомок румынских бояр, владевших обширными поместьями на землях между реками Днестр и Прут. Его предки всегда помнили, что именно Россия освободила православную Румынию от турецкого ига, и поэтому считали вполне законным присоединение Бессарабии к России. Они верой и правдой служили Российской империи.

Отец Николая Дмитриевича, Дмитрий Георгиевич был видным юристом, занимал должности мирового судьи в Одессе и главы земского банка в Херсоне, дослужившись до генеральского чина – Статского советника. Мать его, Анна Анемпордистовна, в своём происхождении имела украинские и польские корни, отличалась высоким ин-

теллектом и образованностью, была дочерью героя обороны Севастополя, контр-адмирала Винка с немецкими и греческими корнями.

В дореволюционные годы были основания гордиться своим происхождением. В советские – по возможности не только не афишировать, а тщательно скрывать. Также, как дореволюционные награды – императорские ордена Святой Анны III степени, Святого Станислава II и III степени.

Николай Дмитриевич внимательно смотрел на меня. На мгновение его взгляд пересёкся с моим и он, смущаясь, спросил, верующий ли я.

Моя неловкость и молчание объяснялось тем, что я тогда просто не знал правильного ответа. Стражеско это понял и сказал, что в перспективе для себя я должен найти ответ. Он нежно взял мою руку и просил, чтобы я не обижался. Ведь он сам, отмечая дома и в церкви главные православные праздники, уважая традиции предков, для себя ответа, на предложенный мне вопрос, так и не нашёл.

Прошло более полувека. Я всегда помнил, быть может, самый мучительный совет мудрейшего учителя. Теперь бы я ответил, что верю в творца. Для земли – творец всей жизни – Солнце. Для Вселенной – пока неизвестно.

Академик Стражеско в советское время порой был обласкан, но часто находился в опале. Его семидесятипятителетний юбилей и пятидесятилетие трудовой и научной деятельности официально, на государственном уровне, не были отмечены.

В июне 1952 года в Киеве я провожал в последний путь на Лукьяновское кладбище (это кладбище не является мемориальным) своего первого клинического Учителя.

P. S. 21 июня в Киеве в Институте им. Н. А. Стражеско отмечалось 60-летие со дня смерти основателя института.

FROM CONVERSATIONS WITH NIKOLAY D. STRAZHESKO

J. S. Brusilowski
Germany, Bremen

Abstract. It was passed more than 60 years. And I keep hearing the baritone e with a slight huskiness and exquisite Russian speech. In my "Memoirs" I have tried to reveal the image of not only a great scientist, clinician, but also very modest, intelligent, superior man. Unfortunately, Academician N.D. Strazhesko in Soviet times often was in disfavor. His anniversaries of job and research activities at the state level were not noted. But the great scientific work and a lot of students have immortalized the name of genius.

Key words: memories of the teacher, a great therapist, anniversaries, academic achievement, contribution to the world medicine.

Сведения об авторах

Брусиловский Ефим Семенович – д.м.н., проф., лауреат премии Роберта Коха и Пауля Эрлиха, кавалер ордена Николая Пирогова; e-mail: sivasck@uni-bremen.de.